

**Мариам Петросян**

**ДОМ, В КОТОРОМ...**

(Книга вторая)

# МИМОЛЕТНЫЙ ВЗГЛЯД НА ГРАФФИТИ

«... вы дому не нужны — чего ради вы так низко опускаетесь и нуждаетесь в нем — уходите — уезжайте далеко-далеко от дома»

**Б. Дилан. «Тарантул».**

**Пер. М. Немцов.**

Он поднялся по лестнице и вошел в коридор, зная, что никого не встретит. Столовая гудела голосами, тихими, как жужжание пчелиного роя в дупле. Жужжит в дупле, а ты — снаружи и еще не понял, что это за звук там, в дереве, и что за точки мелькают вокруг... а когда понял, уже бежишь... Он шел медленно — сумка оттягивала плечо. Классы были открыты, как будто отдыхали, проветривали себя. Двери классов и спален иногда распахивались внезапно, так что можно было получить синяк на лоб. Он давно привык ходить подальше, у той стороны, где когда-то были окна, и теперь ноги привычно несли его по этому безопасному маршруту. От этой мысли стало смешно.

Пятнадцать лет. Имея под ногами землю, а не паркет, за это время можно протоптать тропу. Широкую, заметную тропу. Свою собственную. Как у оленя. Или...

Когда-то на этой стороне были окна. Никому и в голову не пришло бы их замуровывать, если бы не надписи. На стеклах не оставалось просветов. Они покрывали их письменами и уродливыми рисунками сверху донизу, а как только стекла отмывали, все начиналось сначала. Ни дня эти окна не выглядели по-божески. Такое творилось только в этом коридоре. Наконец, после очередной замены стекол (он всякий раз надеялись, что в них проснется совесть, но этого так и не произошло) они перестали утруждать

себя надписями. Ральф это хорошо помнил. Просто закрасили новенькие, сверкающие стекла черной краской, непонятно откуда добытой после конфискации каждого захудалого тюбика. Он помнил, что с ним произошло утром, когда он увидел безобразные черные прямоугольники в рамах. Он почувствовал ужас. Тогда Ральф впервые осознал, чем были для них эти окна, с которыми они так варварски боролись. И на общем собрании проголосовал, чтобы их замуровали.

Это не было детской шалостью, как могло показаться вначале. Хотя уже тогда можно было кое о чем догадаться — ведь ни в спальнях, ни в классах таких проблем не возникало. Только увидев черные стекла, они поняли, до какой степени подопечные их боятся, как ненавидят их — эти окна в наружность.

Теперь он шел по той самой стороне, где окон больше не было. Коридор из-за этого стал слишком темным. Но вряд ли кто-то, кроме Ральфа, помнил, каким он был раньше. После истории с окнами, он многое понял. Тогда он был молод и ему захотелось поделиться с кем-то своими опасениями. С кем-нибудь старше и опытнее. Теперь бы ему такое и в голову не пришло. Тот раз стал единственным — первым и последним. Больше он ни с кем не заговаривал о своих чувствах.

Сторону, выходящую на улицу, замуровали. Другая, смотревшая во двор, никого не беспокоила, хотя двор открывал наружность не хуже улицы. Значит, они приняли и включили в свой мир и двор, и все, что было видно со двора. Обнести двор бетонным забором не потребовалось — забором послужили дома. А вот с другой стороны их не было. «Они пытаются вычеркнуть все». Эти слова он произнес очень давно. «Все, кроме себя и своей территории. Они не желают знать ничего, кроме Дома. Это опасно». Лось рассмеялся и ответил, что это преувеличение. «Они прекрасно знают, что такое наружность, и как она выглядит. Каждое лето они выезжают в санатории. С удовольствием смотрят фильмы».

Он понял, что не сможет объяснить никогда. Опасность была не в незнании. Она была в самом этом придуманном ими слове — «наружность». Как будто Дом — это Дом, а наружность — нечто совсем иное. Никто этого так и не понял. Ральф один испугался, очутившись в ловушке, потеряв возможность видеть то, чего не желали видеть они. Даже Лось ничего не понял. Бедные дети, судьба сурово с ними обошлась... Его

ничему не научил тот выпуск мучителей оконных стекол, хотя Дом перед их уходом пропитался влажным ужасом, и Ральф задыхался в его испарениях (еще тогда ему хотелось сбежать). Но он надеялся, что как только тех не станет, все изменится. Что с другими все будет иначе. И какое-то время, совсем недолго, так и было — следующие были еще слишком малы, чтобы всерьез бороться с реальностью. Но они быстро научились, в чем-то даже превзойдя своих предшественников. Ральф считал, что им дается слишком много воли, на что ему неизменно отвечали: «Больные дети!» От этих слов его передергивало не меньше, чем «больных детей». Ему оставалось ждать и наблюдать.

Пока они не достигли того возраста, когда полагалось уходить. Те, что были до них, попробовали остановить время по-своему: пять самоубийств, семь попыток. Эти поступили хуже. Уходя, они утянули за собой, как в воронку, все, что их окружало — в этот водоворот затянуло и Лося, считавшего их безобидными детьми. Быть может, он все-таки что-то понял, когда было уже слишком поздно.

Ральфу всегда хотелось знать, о чем Лось думал в те последние минуты. Если ему хватило времени подумать. Они смахнули его на бегу, как приставшую песчинку. Даже не заметили, что убили. Ничто не имело значения, когда наступил конец света. Никто не сумел бы остановить их или чем-то помочь; пересилить ужас, который они испытывали перед наружностью, было невозможно.

**Если бы он остался жив после той ночи, то понял бы, что понимаю я. Для них не существует мира, куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать. Уходя, они уничтожают его и для других.**

Тот выпуск оставил после себя кровавую дыру, ужаснувшую даже тех, кто не имел отношения к Дому. Руководство сменили, в Доме не осталось никого из прежних учителей, и ни одного воспитателя, кроме Ральфа. Он остался. Знакомство с новым директором, далеким от гуманизма, сыграло при этом решающую роль. Остальные — те, что еще не разбежались после июньских событий — поспешили уйти после встречи с директором. Но Ральф верил, что на этот раз все будет по-другому, что, когда придет время, он сумеет что-то изменить. У него было понимание ситуации и больше возможностей, чем когда-либо. Он стал единственным взрослым старожилом Дома, к его мнению прислушивались и никто слишком

мягкосердечный не смел ему мешать.

Ральф следил за ними с самого начала. Видел, как они менялись. Замечал перемены даже раньше, чем они наступали. Он взял на себя третью и четвертую — самых странных и опасных — хотя так думать о них тогда было просто смешно. Долгое время ничего не происходило. Но однажды случилось то, чего он опасался: что-то стронулось с места в их комнатах, чем-то они стали отличаться от других. И комнаты, и их обитатели. Посторонний бы ничего не заметил. Такое нужно было чувствовать кожей или вдыхать с воздухом. Нередко он неделями не мог войти к ним по-настоящему — войти в то место, которое они создали сами, изменив реальность. Со временем у него получалось все лучше, а может, это они становились сильнее. Вскоре он, к своему ужасу, обнаружил, что в зону их невидимого мира начали проникать и другие люди. Что могло означать только одно. Их Дом существовал на самом деле. Или почти существовал.

Тогда он сбежал. Сбежал, уже понимая, что вернется досмотреть до конца, узнать, чем все закончится. Чем все это кончится у них? Теперь Ральф сознавал: что бы ни случилось, он ничему не сможет помешать. Ему просто нужно было знать. Потому что пока он учился у тех, прежних, эти тоже учились, и учились намного быстрее. Им не потребовалось бы закрашивать стекла. Им достаточно было бы убедить себя, что окон не существует. И окна, вполне возможно, перестали бы существовать.

На Перекрестке блестело боками расцехленное пианино. Ральф наступил на ленту, красной змейкой свернувшуюся под ногами. Теперь он шел по центру коридора — все еще его тропа... Со стены навстречу прыгнула буква «Р». Как подпись, как знак его присутствия. Он замер. Его звали вовсе не Ральфом. С первой минуты он возненавидел эту кличку-имя. Именно за то, что она была именем. Он бы предпочел называться Барбосом или Мимозой — чем угодно, лишь бы это звучало прозвищем. Может именно поэтому, именно благодаря ненависти к «Ральфу», он так им и остался. Назвавшие его так успели уйти, ушли и те, кто был тогда малышней, подросли те, кого вообще при этом не было — а он так и остался Ральфом. Или просто Р Первым — заглавной буквой с номером. На стенах писали только так и между собой чаще употребляли этот вариант, уродуя ненавистную кличку еще более ненавистным сокращением. Ему казалось, что это какое-то рычание, которое иногда оно прыгает со стен ему в лицо. Оскалив зубы. На единственной ноге.

Ральф остановился перед дверью без номера со стеклянным окошком. Здесь его поприветствовало еще одно «Р» — мылом на стекле. Он захлопнул дверь и избавился от лицемерия собственной клички до следующего выхода в коридор. Тут был его кабинет и одновременно спальня. Он был единственным из воспитателей, кто ночевал на втором этаже. Акула считал это огромной жертвой, и Ральф его не разубеждал. Достаточно было напомнить: «Я нахожусь на круглосуточном дежурстве», — и все его желания тут же исполнялись. Прочие воспитатели смотрели на него как на извращенца.

Ральфа смешил их страх перед вторым этажом. Надо вообще ничего не знать о детях Дома, чтобы думать, что они полезут убивать воспитателя только потому, что он ночует по соседству.

Он догадывался о существовании Закона. Никто ему не рассказывал, но по некоторым особенностям поведения жителей Дома можно было вычислить и сам Закон, и отдельные его пункты. Такой, например, как неприкосновенность учителей и воспитателей — этот пункт надежно защищал его, потому что, за редкими исключениями, все держались в рамках Закона. Исключения могли посыпаться дождем в роковой период — за две недели до выпуска. Так было в предыдущие разы. Думать об этом было еще рано, бояться — тем более. Он не собирался менять комнату (раз уж оказался настолько глуп, что вернулся) только потому, что через полгода что-то могло случиться. Самую большую глупость он уже совершил. На ее фоне забота о собственной безопасности выглядела бы нелепо. И уж тем более он не собирался проводить последние месяцы в Доме в беседах с Ящером или вечно подвыпившим Шерифом, который вваливался в любую комнату на третьем, как к себе домой. Оба считали, что пара бутылок пива — лучшее приглашение, и, соответствующим образом оснащенные, даже не трудились стучать. Воспитатели выпивали по традиции. Не напивались, как Ящики, а выпивали. Различие было тонким и зачастую незаметным, хотя если бы кто-нибудь отметил это вслух, они бы оскорбились. Ящиков оскорбить было труднее. Хотя и они иногда обижались. Например, им не нравилось, что их называли Ящиками.

Мало кто знал, что прозвище Ящикам придумал Ральф. Дать прозвище кому-либо в Доме было нетрудно. Выйти ночью в коридор, выбрать на стене подходящее место и, подсвечивая фонариком, а то и вслепую, написать, что нужно, так чтобы надпись не бросалась в глаза. Все равно

прочтут. Стены были их газетой, журналом, дорожными знаками, рекламным бюро, почтой и картинной галереей. Это было так просто — вписать туда свое слово и ждать, пока оно оживет. Больше от Ральфа ничего не зависело. Прозвище могли забыть или закрасить чем угодно, могли принять и начать им пользоваться. Ральф редко когда ощущал себя таким молодым, как во время ночных вылазок с баллончиком краски. Краска и фонарик — больше ничего не требовалось. Обычно хватало и баллончика. Когда он переселился на второй этаж, все упростилось, но именно тогда его дважды чуть не застали врасплох, и, опасаясь, что рано или поздно его разоблачат, Ральф перестал вносить свою лепту в прозвища Дома. Ему не хотелось подрывать доверие к стенам. Они и для него были источником полезной информации. Главное — не лениться расшифровывать чужие каракули. Стена была его пропуском в их жизнь, без которого в нее нельзя было проникнуть даже тайно. Он настолько хорошо изучил стены, что научился с первого взгляда выхватывать свежие надписи из переплетения старых. Не вглядываясь, не вчитываясь — это могут заметить. Один рассеянный взгляд — и он унесет с собой ребус, над которым можно будет поломать голову вечером за чашкой чая, не торопясь и не нервничая, как другие коротают вечера над кроссвордами.

Иногда что-то разгадывалось, иногда нет. Но он не расстраивался. На следующий день его будет ждать новый урожай сообщений, над которыми можно будет поразмышлять. Единственное, что его раздражало — обилие ругательств, в которые, чтобы не пропустить ничего важного, тоже приходилось вчитываться. В период полового созревания жителей Дома он почти жалел о своей привычке читать стены. Сейчас ругательства пошли на спад, хотя рядом со второй в них по-прежнему можно было захлебнуться.

Ральф не стал осматривать стены. За полгода они изменились почти до неузнаваемости, и в первый день возвращения засорять мозги всем тем, что прибавилось за шесть месяцев там, где много чего прибавлялось и за день, не хотелось. Только от буквы «Р» ему не удалось убежать слишком она бросалась в глаза, всегда чуть в стороне от скученных надписей, наползавших друг на друга на самых разрисованных участках стен.

Может быть, это делалось с умыслом. Вот только к кому они обращались: к нему или к самим себе? И что это было? Напоминание или приветствие? То, о чем они боялись забыть, или то, чего забыть не могли? Он уехал, но в то же время остался на его стенах Дома. Надписи казались сравнительно

свежими и их было намного больше, чем прежде. Ральф не встречал на стенах кличек умерших или уехавших. О них не говорили, их вещи уничтожали или делили между собой. Закрывали дыру — так это называлось. После ночи поминального плача за человеком стирались все следы. С уезжающими себя вели как с покойниками. А он ушел сам — и остался. Об этом и сообщала его кличка на стенах. Значит, они знали, что он вернется. Но откуда? Откуда они могли знать то, в чем он сам не был уверен до последней минуты?

Опустив сумку на пол, Ральф сел на диван. Конечно, они знали. Только это и могли означать бесконечные «Р». А теперь, и я знаю, что они знали. Хотя специально не смотрел на стены. Они постарались, чтобы моя кличка бросалась в глаза. Чтобы, вернувшись, я понял, что меня ждали...

**Еще немного, и я решу, что меня приманили. Околдовали заклятием букв. Еще немного, и я представлю, как ночью они танцуют вокруг этих букв, шепчут заклинания и рисуют магические круги. Еще немного, и я уверюсь, что приехал только потому, что они этого захотели. Я провел в Доме примерно четверть часа и уже схожу с ума. Может, здесь так и нужно — быть слегка помешанным? Может, иначе здесь просто нельзя?**

Он знал, что отчасти прав. Нельзя уйти и вернуться, когда пожелаешь. Дом мог не принять его. С другими такое случалось. Его могло не принять нечто. Неопишемое, не поддающееся логике нечто — сам Дом, его дух или его суть — он не искал слов, когда думал об этом. Просто, возвращаясь, Ральф знал, что окончательное решение будет зависеть не от него. Не от него, не от них, а меньше всего — от Акулы. Дом примет или не примет. И, может, именно Дом они пытались задобрить, помечая его стены буквой «Р». Приучая к мысли о его возвращении.

— Ладно, — произнес Ральф устало. — Считайте, что я благодарен. Интересно, что вам от меня нужно? Или это стало традицией — перед уходом приносить воспитателя в жертву наружности?

Он встал, отгоняя глупые мысли. Если им нужен воспитатель, здесь их хватает и без меня... А вот сумасшедший воспитатель не нужен никому. Подойдя к окну, он дернул шпингалет и отворил одну створку. Холодный ветер ворвался в комнату, изгоняя затхлый запах сырости.



Над самыми окнами нависали скомканные облака, по-вечернему затеняя день. Он вытер пыль с подоконника, опустил на него и закурил, расслабляясь. Выкинул окурок, и прислушался. Коридор гудел голосами.

Песни Дома и его шорохи...

Мимо двери протопали ходячие и проехали коляски. Ральф пересел на диван и включил радио. Заиграла музыка. Он поднял громкость.

За дверью остановились. Двое. Потом их стало больше. До него донесся приглушенный шепот, но слов различить не удалось. Наконец стало тихо. Потом раздался топот подкованных сапог — кто-то из Логов удалился с вестью. Ральф выключил радио.

Дверь его кабинета была из тех, что, распахиваясь, ударяли по лбу. Но они успели отскочить.

— О-о... О-о...

У противоположной стены вежливо кланялись нелепые ушастые Логи.

— Вы вернулись! Вы слушаете радио!

— Да, — сказал он. — Как видите.

Не переставая кивать, они незаметно перемещались в сторону спален. Быстрее добежать, рассказать, первыми сообщить! Сенсация дня стояла перед ними во плоти, и только вежливость не позволяла рвануть наперегонки, громкими воплями оповещая весь Дом. Они мучились, полыхая ушами, и покусывали губы, жадно ощупывая Ральфа взглядом. Кто первым заметит что-нибудь интересное? Те, что убежали, расскажут первыми, зато они первыми увидели! Из этого преимущества, раз уж первенство у них было отнято, Логи старались выжать все возможное. Рассказы очевидцев должны быть красочными и волнующими. Ральф чувствовал, как из него добывают эти краски и волнующие подробности — высасывают жадными щупальцами глаз.

— Свободны, — сказал он им.

Логи не шелохнулись, только уставились еще более страстно.

— Иду в третью, — сжалился он. Ахнув, Логи умчались прочь, наступая друг другу на ноги, сверкая черной кожей жилеток и кнопками застежек.

Ральф шел медленно, давая гонцам возможность осуществить свою миссию. Он смотрел на стены.

Территория второй: безголовые женские фигуры, крутейшие бедра, круглейшие ягодицы, тыквенные груди... Между ними змеились высказывания публики о мастерстве художников, стихи на аналогичные темы и ругательства. «Хвост приложил Кр. Соломон». «Берегись! Ты знаешь, про что я!» «Заплыв отменен вв. нестандарт. одежд.» «Еще раз так сделал. Сделаю еще».

Крысы стояли у распахнутых дверей класса, синхронно хихикали и шаркали ногами, словно управляемые одной нетрезвой рукой.

— Здравствуйте...

Только что из мусорных баков. Серая шерсть в лишаях, прозрачно подрагивающие усы, запах помойки, голые хвосты с налипшим пометом.

— С приездом. Как поживаете?

Ральф прошел мимо.

Рисунки на лбах, на щеках и на подбородках, очки всех форм и размеров. Крысы боялись света и прятали от него глаза.

«С возвращением!» — хихикнула стена, снабив приветствие заборчиком из восьми восклицательных знаков. Когда только успели? Он миновал вторую. Зону ягодиц и двусмысленных шуток. По стене поплыли красные треугольники, быки и антилопы. Здесь писали мало и мелко. Рисунки Леопарда охранялись от посягательств. Ральф не стал вглядываться. Зеленая стрелка указывала прямо: «Тропа друидов. Почву перед собой ощупывай шестом. Ж. Т. по пятницам каждое полнолуние».

Что такое Ж. Т.? Жертвоприношения?

Дверной проем класса третьей был пуст. Ральф вошел — и под ногами зашуршали семена. Семена и жухлые листья. Коробочки, с треском

лопавшиеся под каблуками, и рассыпавшие белый порошок. В сумраке зеленых куц за столами сидели Птицы и улыбались. Окна затеняли мясистые листья и стебли всевозможных растений. Пахло влажной землей.

Слон — огромный и краснощекий — качал головой в окружении горшков с фиалками. Фиолетовый спектр. Красавица над пожелтевшей геранью, Бабочка под лимонным деревцем. Стервятник сидел на стремянке — парил над классом, вознесенный почти к самому потолку. Компанию ему составляли два горшка с кактусами. Стол Дракона, украшенный только тарелочкой с проросшей пшеницей, выглядел убого. Птицы улыбались. Щебет в ветвях... Не было ни страха, ни враждебности. Они, казалось, были искренне рады его возвращению.

Ральф сел за учительский стол. Как гусеница, сорвавшаяся с потолка, ему под нос шмякнулся толстый белесый стебель.

Стервятник подобрался поближе и проглотил стебель:

— Прошу прощения, — извинился он. — Сколько раз повторять: обрезайте подгнившее! — Он обмахнул стол носовым платком.

— Спасибо, — сказал Ральф.

Стервятник лучезарно улыбнулся.

Перед Ральфом появилась чашка с кофе. Пока он удивленно ее разглядывал, его поверхность подернулась ряской.

— Видите? — грустно спросил Стервятник. — За всем не уследишь. Я огорчен, поверьте.

Ральф попытался собраться с мыслями.

— Пока меня не было...

— Мы все очень скучали, — хором сообщили Птицы.

Стервятник посмотрел на них с гордостью.

— А в четвертую перелетел Фазан, — сообщил Слон, ковыряя в носу. —

Почему-то не к нам, а к ним. Почему-то...

— Дела четвертой нас не касаются, — перебил его Дракон. — Ты бы помолчал!

Ангел заломил руки:

— Дом без вас не Дом, уважаемый Ральф. Я это всем твержу, постоянно! Спросите, спросите их...

— Счастлив слышать, — сказал Ральф. — Что еще?

— Песня! — радостно каркнул Ангел. — В вашу честь! Мы только вчера закончили ее разучивать. Разрешите исполнить?

Вчера закончили разучивать? Песню?

— Не разрешаю, — сказал Ральф. — Обойдемся без песен.

Птицы разочарованно вздохнули. Ангел в приступе гнева впился зубами в собственную руку.

— Простите?

В дверях стоял маленький лысый человек в синем костюме и, близоруко щурясь, рассматривал Ральфа.

Он встал.

— Не имею чести, — произнес человечек, и шагнул ему навстречу.

— Я воспитатель, — объяснил Ральф. — Вернулся из отпуска, зашел повидать ребят. Но у вас урок. Я не буду мешать.

— Прошу вас, — засуетился учитель. — Общайтесь. Я зайду позже.

— Мы уже пообщались. Не хотелось бы мешать уроку. Извините.

Ральф обошел лысого и выбрался в коридор.

Учитель прошмыгнул следом.

— Вы ведь их воспитатель, да? — пухлая ладошка ухватила Ральфа за рукав куртки. — А вам не кажется, — глаза учителя округлились, голос понизился до шепота, — не кажется, что они немножко странные? Этот запах... и это... засилье флоры. Вы не находите? Количество... И запах...

— Нахожу, — любезно сказал Ральф, снимая с рукава пальцы учителя. — Но вам пора.

— Да, — учитель горестно покосился на дверь, — пора. Однако я определенно испытываю дискомфорт. Поймите меня правильно, это тяжело.

Сквозь приоткрытую дверь сладко тянуло болотным духом.

— Привыкнете, — пообещал Ральф. — Со временем.

Понурившись, учитель исчез за дверью, и в нее тут же просочился Стервятник.

— Поехали, — сказал ему Ральф. — Все, что произошло. И покороче.

Стервятник прислонился к стене:

— У меня в стае никаких перемен, — отчитался он. — А в чужие дела я не лезу. Не так воспитан.

— Никто тебя и не просит в них лезть.

Стервятник улыбнулся, обнажив красные десна.

— Самая крупная новость: с нами больше нет Помпея. Скоропостижно скончался от колотой раны. Можно назвать это самоубийством, а можно и не называть. Я называю так.

— А остальные?

— Остальные могут со мной не согласиться.

Ральф поразмыслил над сказанным.

— То есть это не самоубийство?

Стервятник задумчиво покачал головой:

— Вопрос терминологии. Когда кто-то долго роет яму, потом тщательно устанавливает на дне острые колья и, наконец, с радостным воплем туда прыгает, я называю это самоубийством. Прочие могут придерживаться иного мнения.

— Ладно, — вздохнул Ральф. — Дальше?

— Дальше в основном мелочи. Не соображу, какая из них может вас заинтересовать. Ну, может, та, что из первой в четвертую перевелся Фазан. Крестник Сфинкса. Он теперь ваш. А Лорда увезли в наружность. Четвертая в трауре. — Стервятник запнулся и поморщился, словно собственный тон его вдруг покоробил.

— Это все?

— Ну, — Стервятник вздохнул, — если говорить о событиях более давних, то умер Волк. Еще летом, вскоре после вашего отъезда.

— Отчего?

— А вот этого никто не знает.

Перед ними вдруг возникла тощая белобрысая фигура с выпученными глазами.

— Извините, — простонала она, протискиваясь к двери.

— Опаздываешь! — сварливо заорал Стервятник. — Нет на вас управы, Логово семя!

Конь замычал, тряся волосами, и скрылся в дверях. Стервятник плюнул ему вслед разжеванным листиком лимона.

— Подлец, — сказал он. — Сорняк!

Лицо его вдруг исказилось, он схватился за колено и зашипел от боли.

Ральф внимательно наблюдал.

— Значит, больше ничего?

Стервятник смотрел на него снизу, равнодушно и бессмысленно. Он ушел в свою боль и закрылся в ней, давая понять, что разговор закончен.

— Ладно, иди. Если плохо себя чувствуешь.

Никто на свете не смог бы сказать с уверенностью, притворяется Стервятник, или ему на самом деле плохо. Он опустился на пол, обнимая ногу, сгорбился над ней, как над больным ребенком, и начал тихо раскачиваться, напевая сквозь зубы. Ральф подождал, раздумывая, не следует ли предложить свою помощь. Потом пожал плечами, и пошел дальше по коридору.

Коридор был пуст. За дверями классов монотонно гудели учительские голоса. Где-то журчала вода.

Птицы... Надо было все же послушать песню. Которую они якобы только что закончили разучивать. Теперь не узнать, была она на самом деле, или ее придумал Ангел. Хотя, могло стать, что под вдохновенное дирижирование окольцованных рук Стервятника, они закрыли бы глаза, открыли рты, и беззвучное пение длилось бы и длилось, довело бы их до экстаза... а он бы не знал, как на него реагировать.

Ральф остановился, глядя на стену.

По ней тянулась цепочка неряшливых следов черного цвета. Он шла снизу вверх и переходила на потолок, откуда спускалась по противоположной стене. Кто-то долго трудился, создавая след «человека-мухи». А может, этот кто-то научился ходить по потолку.

Фазан в четвертой. Крестник Сфинкса. Это Ральфу ничего не говорило. Фазанов он знал плохо. Волк и Помпей. На Волке у Стервятника заболела нога. Помпей... Прыгнул в яму, которую вырыл сам... Допустил ошибку? Быть может, нарушил Закон? Сплошные загадки. Но большего Ральф требовать не мог. Стервятник не был стукачом. Он сообщал лишь то, о чем Ральф узнал бы и так. От того же Акулы. Но сказанное Стервятником было важнее. В отличие от Акулы, он знал, о чем говорил. И давал шанс разгадать свои слова.

Стервятник был его союзником, единственным на весь Дом. Это было все, что могла сделать Большая Птица в благодарность за ночь, проведенную в комнате Ральфа два года назад. Ночь, прелюдией к которой стала попытка Стервятника изгрызть лазаретные стены и съесть его обитателей. Ночь, которая должна была закончиться в сумасшедшем доме. Ральфу в память о ней осталось окровавленное полотенце, которым он порвал Стервятнику рот, затыкая его вой. Он был слишком занят, чтобы думать о чем-то, кроме сохранности своих рук, но когда в отворенные окна на вой Стервятника отозвалась третья, сообразил, что это поминальный плач, впервые в истории Дома прозвучавший при воспитателе. Полотенце и покусанная обивка дивана. Следы зубов Птицы. Когда Стервятник заплакал, Ральф его отпустил. Остаток ночи тот рыдал, уткнувшись горбатым носом в диванную подушку. Ральф смотрел и ждал. Молча, не делая попыток успокоить.

На рассвете Стервятник встал, опухший и почерневший, дохромал до душа, и простоял под ним до подъемного звонка. А потом ушел. Утро Ральф провел в лазарете с Птицами, разбирая разгром, учиненный Стервятником накануне. Вожак третьей не показывался три дня, а на четвертый явился в столовую в трауре и с тех пор не снимал его. Немногие его качества могли вызвать восхищение, но тех, кому был обязан, он никогда не забывал. Так началась игра «Угадай, что я имел в виду, если ты такой умный», и Ральф знал, что всегда получит подсказку. Пусть непонятную, чем-то похожую на загадки стен, но все таки подсказку. Кроме того, Стервятник был краток и, в отличие от стен, не изъяснялся стихами.

Он назвал Помпея самоубийцей. Помпей вырыл себе яму и прыгнул в нее, получив в результате колотую рану. Не очень похоже на самоубийство. Слишком аллегорично. Еще не стихи, но близко к тому.

С Лордом придется разбираться отдельно. С ним и с его матерью. Которая никогда не взяла бы домой своего слишком взрослого сына. Значит, не домой, а куда-то еще. Интересно, куда?

Самое неприятное, конечно, Волк. Когда речь зашла о его смерти, Птица не дал даже самой туманной подсказки. И именно тогда у него разболелась нога. Случайно? Насколько Ральф знал Стервятника, у того ничего не происходило случайно. А вытерпеть внезапную боль Птица был способен не моргнув и глазом. Волк был из тех, кто менял реальность... Одним из



самых сильных. Претендентом. Может, в этом разгадка? Может, Слепой... Но тогда Стервятник бы промолчал.

Но Ральф знал, что все это пустые домыслы. Ведь в четвертой был еще и Сфинкс.

Тусклые лампы выжелтили коридор. Навстречу ковылял Шериф — пестун и запугиватель второй. Та же Крыса, только постарше и покрупнее.

— Ух, ты! — Шериф подмигнул из-под козырька бейсболки и расплылся в улыбке. — Привет, братишка! Какого хрена ты вернулся в это болото?

Ральф на ходу изобразил удивление и радость от встречи с коллегой и задел ладонью его ладонь:

— Соскучился по тебе, наверное.

Шериф разразился всхлипами хохота и исчез в дверях второй, не переставая всхрюкивать. Толстый, как кабель хвост, втянулся за ним, задевая расступившихся Крыс... Крысы хихикали, раскачивались и потирали ладони.

На двери своей комнаты Ральф обнаружил записку, пришпиленную кнопкой: «Я обижен. Мог бы и зайти». Подписи не было, но почерк Акулы он узнал. Сковырнув кнопку, Ральф сунул записку в карман, и пошел к директору.

Акула ждал его в нерабочей части кабинета. Колени выше груди, нос уткнулся в экран телевизора — Акула утопал в низеньком кресле с обивкой в сине-желтый цветочек. Покосившись на Ральфа пятнистым глазом, он ткнул в соседнее кресло:

— С приездом.

Ральф сел, сразу провалившись по грудь. Вид Акулы красноречиво свидетельствовал о скором окончании его рабочего дня.

— Я сейчас отчаливаю, — подтвердил Акула, всосал прозрачную жидкость из стакана, игнорируя соломинку, и уставился на Ральфа. — Незачем здесь торчать до конца уроков. В этом нет ни малейшего смысла. Вот ты видишь смысл? Я нет. И никто не видит. Но почему-то так принято я должен тут торчать до полного изнеможения, хотя абсолютно никому не нужен. Никто не постучит, не зайдет, ни о чем не спросит. Никогда. Но ты сиди. В этом и заключаются обязанности директора. Я торчу здесь, как пень, с восьми до четырех и не могу даже снять галстук, потому что мало ли что вдруг приключится! Я должен быть готов. Если кто-то думает, что мне легко, он заблуждается. Мне совсем не легко. С приездом, дорогой коллега. Ты с годами не меняешься. Моложавый.

Ральф удивился:

— Пять месяцев уже считаются годами?

— Считаются, — подтвердил Акула. — В тяжелых боевых условиях месяц идет за год. В общей сложности ты прогулял пять лет и, конечно, можешь считать себя уволенным. Я тебя не упрекаю. Просто подвожу итоги.

— Спасибо. — Ральф смотрел на экран.

Акула не любил, когда его игнорировали. Он потянулся за пультом. Экран погас, и Ральф развернул кресло в сторону директора. Директорский палец качался на уровне переносицы:

— Какой тебе полагался отпуск? Двухмесячный. Двух, а не пяти. Ты уволен. И уже давно. Но, — палец совершил вращательное движение, — я тебя прощаю. Почему? Потому что я хорошо к тебе отношусь. Я понимаю, почему ты слинял. А почему я это понимаю? Потому, что я чуткий, понимающий человек...

Ральф расслабился и вытянул ноги. Слушать безумные речи Акулы входило в обязанности воспитателей, и для каждого давно стало делом привычки. Он думал о Волке. О Помпее. О «яме». Чем же была на самом деле эта «яма», которую, по утверждению Стервятника, Помпей вырыл себе сам? Что имела в виду Большая Птица? О Помпее думалось легче, чем о Волке.

О Волке думать не хотелось.

— А кто поймет меня? Никто. Я одинокий, всеми покинутый человек. Мой подчиненный возвращается после полугодового отсутствия — и даже не заходит поздороваться. Я пишу ему записки! «Приходи!» — пишу я. И только тогда он приходит. Каким словом все это обозначить? Только одним. Дерьмо! Все вокруг — это самое дерьмо.

— Извини, — вставил Ральф. — Я бы и без записки зашел.

— Когда? — Пятнистые глаза Акулы негодуяюще вспыхнули. — Завтра? Послезавтра? Я требую уважительного отношения. Или убирайтесь все к чертям. Я здесь хозяин! Так или не так? — Директор замолчал, тяжело вздыхая в стакан.

Ральф украдкой посмотрел на часы. До конца последнего урока оставалось меньше двадцати минут, а ему хотелось успеть в шестую до того, как Псы разбегутся по всему Дому. Значит, сразу после ухода учителя.

— Ты, — Акула поставил стакан на пол и понуро обвис в кресле, — самый стоящий воспитатель в этой дыре... Все бросил и сбежал на Большую Землю. Оставил нас на порезание и сбежал.

— Никто никого не собирается резать.

— Это ты так говоришь, — скрипучий голос Акулы будто засыпал уши мягким песком. — Только ты так говоришь. — Он понюхал свою ладонь и нахмурился.

Ральф терпеливо ждал. Директор не был пьян. Он пребывал в состоянии, которое некорректные воспитатели называли «месячными». Сейчас с ним не имело смысла спорить.

— Я очень болен, — сообщил вдруг Акула, пристально глядя Ральфу в глаза. — Никто не верит, но скоро все убедятся.

Ральф изобразил озабоченность:

— Что за болезнь?

— Рак, — мрачно сказал Акула. — Так я полагаю.

— Надо провериться. Это серьезно.

— Не надо. Лучше оставаться в неведении. Если меня убьют, я избежну долгой и мучительной смерти. Это утешает. Но совсем чуть-чуть.

— Убить тоже можно по-разному.

Акула вздрогнул.

— Да уж. А еще можно наговорить больному человеку гадостей, вместо того, чтобы попытаться его утешить.

Акула посидел с видом умирающего, потом взглянул на часы и нервно закопошился.

— Ох... Сегодня ведь футбол. Черт! Совсем из головы вон! — он вскочил и оглядел кабинет. — Все выключено. Остался свет. И дверь. — Пошарил по карманам. — Пообедаешь со мной?

— Нет. Очень устал с дороги. Пожалуй, лягу спать.

Взяв протянутые ему ключи, Ральф погасил свет. Акула любовался им с порога.

— Хорошо, что ты вернулся. Завтра с утра начнем вводить в курс дел. Этот пятимесячный отпуск тебе еще выйдет боком.

— Не сомневаюсь.

Заперев дверь, Ральф передал связку директору. Тот начал ей побрякивать, выискивая ключ от своей спальни.

— Почему Лорда забрала мать? — спросил Ральф.

— Уже знаешь, — восхитился Акула. — Как всегда. Только приехал — а уже все знаешь. Я всегда говорил, что ты не совсем нормальный. В хорошем смысле, конечно.

— Почему она его забрала?

Акула наконец нашел ключ и тщательно отделил его от связки, чтобы не перепутать с другими.

— Потеряла доверие. Мы плохо приглядывали за ее парнем. Так она выразилась. Что ему вреден здешний климат. Красивая женщина. С ней трудно спорить. Я и не пытался.

— Она его домой взяла?

— Не знаю. Это не мое дело. Я не спрашивал.

— Она могла поменять школу... Если ее не устраивала здешняя.

Возле столовой их оглушил пронзительный звонок. Ральф невольно поморщился. Акула посмотрел на него с презрением, как опытный морской волк на ушедшего на пенсию и потерявшего форму моряка.

— Расслабился, — констатировал он. — Обленился! А я-то ставлю тебя в пример молодым.

Не переставая ворчать, он поднялся по лестнице. Ральф постоял на площадке, глядя ему вслед, и вернулся в коридор.

В шестой никогда не бывало тихо. Даже когда все молчали, ухо улавливало еле слышное гудение, похожее на работу спрятанного в стене мотора. Тот самый невидимый пчелиный рой...

Он вошел, и голоса смолкли. Псы загасили плевками сигареты в ладонях, попадали с подоконников, откатились к стульям и попробовали включить тишину. Тогда он услышал застенный гул: шепот их мыслей, не выключавшийся никогда — их было слишком много. Песню шестой комнаты. Они были ярко одеты — не как Крысы, но близко к тому — цепляли глаз всплесками алых рубашек и изумрудных свитеров, но стены класса сочились тускло-серым пластилином, замыкая их в непроницаемый прямоугольник, не пропускавший воздуха, и окна казались приклеенными к этой серой массе картинками.

Закрыв за собой дверь, он сразу почувствовал, что в этом вакууме трудно дышать и двигаться, что потолок нависает слишком низко, а стены смыкаются, сливаясь с полом и потолком и давят резиновой серостью... в которой можно увязнуть, как насекомое, и когда войдет кто-нибудь другой, ты уже будешь ее частью, росписью, неразличимой среди других каракулей, мертвым экспонатом шестой.

— Я хочу поговорить с новым вожаком, — сказал он. Подождал, пока стихнет кашель подавившихся дымом и добавил:

— Или с тем, кто себя им считает.

Они завозились, опуская глаза. Все в ошейниках — настоящих и самодельных, кожаных, усеянных шипами и кнопками, расшитых бисером. Он понял прежде, чем услышал ответ. Вожак отсутствует. Только вожак в шестой был избавлен от необходимости носить знак своей принадлежности к стае, только вожак мог ходить с голой шеей. Конечно, ошейник мог быть маскировкой — прятать вожака, не желавшего себя выставлять. Но никто из Псов даже мимолетно не посмотрел на другого, ни на ком не сконцентрировалось общее внимание. Человека, который занял место покойного Помпея, среди них не было.

Они вжимали головы в плечи и рассматривали свои ладони, словно стыдясь чего-то. Того, что среди них не нашлось никого, кто мог бы стать главным? Своей обезглавленности? Своей потери?

— Вожака нет, — сказал кто-то из задних рядов. — Еще не выбрали.

— Когда умер Помпей? — спросил Ральф.

— Месяц назад, — ответил длиннолицый очкарик Лавр. — Чуть меньше месяца.

— И до сих пор не выбрали?

Псы пригнулись, демонстрируя затылки, скрывая что-то, чего стыдились, что причиняло им боль. Неслышный гул в стенах усилился. Стены поползли на Ральфа, заслоняя от него шестую, но пока этот скользкий серый занавес смыкался, он успел поймать:

Желтый свет забранных сеткой ламп спортзала, масляная зелень пола, разрисованного кругами, крик... Темная фигура забила на полу, разбрызгивая кровь... и тут же стены сомкнулись, замазывая осколки видений серым, обесцвечивая их и стирая. Он увидел достаточно, чтобы понять что бы ни случилось с Помпеем, Псы при этом присутствовали, и воспоминание об увиденном, обсосанное до горечи на языках, не давало им покоя. В нем таились их боль и страх перед кем-то, о ком он пока не имел понятия. Они были слишком закрыты, слишком сопротивлялись его попыткам понять что-то еще.

Стаи строились по принципу лестниц. Каждая ступенька — живая душа. Ломалась самая верхняя — первой становилась предыдущая. На месте обезглавленной пирамиды тут же вырастала новая верхушка. Так было всегда и у всех, кроме Фазанов. В каждой стае был не только свой первый, но и свой второй. Даже у Птиц, хотя Стервятника отделяло от стаи огромное расстояние — не меньше, чем в семнадцать пустых перекладин — имелся Дракон, готовый, если с вожакom что-то случится, занять его место. Порядок нарушался только в случае свержения вожака кем-то из стоявших много ниже. Но тогда этот нижний занимал верхнее место. То, что в шестой не случилось ни того, ни другого, указывало на третий вариант. Явно не имевший ничего общего ни с первыми двумя, ни с чем-либо из того, что могло прийти в голову Ральфу. Интересно при чем здесь спортзал?

— Странно, — сказал он. И задумался.

Он понял как надолго, только увидев, что за окнами стемнело, а стая изнемогает от его присутствия. Самые нервные кусали ногти и корчили гримасы, колясники тихо копошились, сблизив землистые лица, гудение в стенах давало сбои. Все вокруг стало серым. Шестая увязла в своей защите, и все они стали похожи на утопающих — или давно утонувших — в грязном аквариуме, не чищенном миллион лет.

Ральф вышел, ничего не сказав. Облегченный стон шестой слился со стуком двери, которая тут же снова приоткрылась, и в щель просунулось бледное лицо Лога Москита, отслеживавшего его маршрут.

Между классом и спальнями шестой Ральф шел медленно, изучая стены. Сдирая, как шелуху, свежие надписи, обнажая спрятавшиеся под ними

старые, полустертые, еле заметные глазу. Собачьи головы в ошейниках. Призывы «членам судейской коллегии» собраться во дворе субботним вечером. Он прищурился. Вот оно. Кошка с человеческой головой, перечеркнутая красным. Черный треугольник с пробитой в нем дыркой. Спираль с глазом внутри, испещренная зазубринами. Все старое. Не меньше, чем месячной давности. Он посмотрел еще раз, чтобы убедиться, что не ошибся. Значения этих символов он читал, как собственную кличку. Кошка — Сфинкс. Треугольник — Черный. Спираль с глазом — Слепой. Все три знака использовались как мишени. Случайности тут быть не могло.

Слепой сидел на корточках под его дверью, выводя пальцем на паркете невидимые круги. Длинные черные волосы падали на лицо. Из дырок на джинсах торчали колени. На звук шагов он поднял голову — тощий, с бесцветными глазами, безликий и безвозрастный, как бродяга, не помнящий даты своего рожденья. Вставая, стремительно помолодел, а навстречу Ральфу выпрямился совсем мальчишкой. В сумраке коридора любой, кроме Ральфа, счел бы это обманом зрения, наваждением, которое рассеялось, стоило к нему приблизиться.

— Здравствуй, — сказал Ральф, открывая дверь.

— Здравствуйте.

Ральф пропустил его вперед и вошел следом.

Слепой замер в дверях. Ральф ощутил невольное желание взять его за руку и подвести к стулу или к дивану. Слепой, беспомощный на чужой территории, свитер велик, рукава сползают до самых пальцев, и эти дырки на коленях... Он прикрыл глаза, стряхивая навязанный ему образ. Идиот! Перед тобой хозяин Дома! Ральф подошел к окну, бросив через плечо:

— Садись.

В ту же секунду он обернулся, сам не зная, что ожидает увидеть: поиск, беспомощность, на шаривание в пустоте осязаемых предметов, или наоборот, уверенность, стремительность и быстроту. Ральф не удивился бы, если бы Слепой не двинулся с места или, запинаясь, попросил его о



помощи. Но Слепой сел там, где стоял — у порога — скрестив ноги и спрятав ладони под мышки.

— Так мне тебя не видно, — сказал Ральф, вороша разложенные на диване вещи в поисках сигарет. — Только пробор. Сколько волос попадает к тебе в тарелку с каждым обедом?

— Я не считал, — отозвался Слепой. — Это важно?

— Это неопрятно. — Ральф нашел сигареты, закурил, и сел на диван.

Курил он молча, давая Слепому время освоиться. Или понервничать. Слепой сидел неподвижно, и видно было, что сидеть он так может до бесконечности. Давай поиграем в эту игру... Единственное, что мешало Ральфу — сигарета, в остальном он окаменел настолько же, насколько и Слепой. Только пепел, нараставший на кончике его сигареты, мешал исчезнуть окончательно. Слепому не мешал никакой пепел. Болотного цвета свитер, сквозь вязку которого просвечивала кожа, обернулся высохшей чешуей, глаза прикрыли синеватые веки. Слепой исчез, и Ральфу почудилось, что он сидит перед застывшей рептилией, которая, при желании, вполне могла оказаться сучком причудливой формы, или даже тенью от сучка. Чем бы это ни было, оставаться в неподвижности оно умело очень долго. У Ральфа никогда не хватало терпения выяснить насколько.

— Расскажи, что случилось с Волком. И как это произошло.

Слепой, немедленно восстановил облик мальчишки и с готовностью подался вперед:

— Он не проснулся. Никто не знает почему.

Ральф посмотрел на свою сигарету, вернее, на фильтр, чудом удерживавший столбик пепла.

— И это все? Еще раз, пожалуйста. Подробнее.

Слепой покачал головой:

— Мы спали, — сказал он. — Утром все проснулись, а он нет. Накануне он

вел себя, как обычно, и ни на что не жаловался.

Ральф попробовал представить.

Слепой не врал, но неправильность в его словах была сродни лжи. Ральф достаточно хорошо знал о связи, существовавшей между ними — это было то, что делало их стаями, то, что пригнала третью к дверям лазарета, когда умер Тень. Почему именно в тот вечер и в тот час они пришли туда все, даже тупоголовые Логи? Было ли это похоже на звон колокола, слышный только им? Он видел такое не раз скорчившиеся тени у стен Могильника не курили и не разговаривали, просто сидели неподвижно. Это не было прощанием, скорее, участием в том, что происходило там, куда они не могли попасть. Могли ли они, чующие смерть сквозь стены, не услышать ее в своей спальне? Не проснуться, когда умирал один из них?

— В двух шагах от вас умирал человек, и вы ничего не почувствовали? Вас ничто не встревожило?

— Там не было и двух шагов, — возразил Слепой. — И мы бы не спали, если бы что-то почувствовали.

— Понятно. — Ральф встал. — Как ты думаешь, зачем я позвал тебя? Любой из твоей группы мог бы рассказать мне то же самое. Если собираешься продолжать в том же духе, дверь у тебя за спиной.

Слепой сгорбился сильнее:

— Как я должен говорить? В каком духе? Что вы хотите услышать?

— Я хочу услышать, что ты, вожак, можешь сказать о члене твоей стаи, который однажды не проснулся. Если я не ошибаюсь, именно ты отвечаешь за то, что бы они просыпались по утрам.

— Сильно сказано, — прошептал Слепой. — Я не могу отвечать за все, что с ними может произойти.

— Знать, отчего это произошло, ты тоже не обязан?

Слепой промолчал. Ральф встал с дивана. Стоило ему приблизиться, как в позе Слепого появилась обманчивая расслабленность. Знакомая реакция.

Милые детки Дома... Именно так многие из них реагируют на приближение опасности. И именно тогда с ними надо быть настороже. Слепой расслабился, но глаза — капли воды, удерживаемые ресницами на бледной коже — замерзли, превратившись в лед. Стылый, змеиный взгляд. Слепой не умел его прятать.

— Если хочешь выглядеть безобидно, носи очки, — неожиданно для себя посоветовал Ральф.

— Это нервирует стаю, — с сожалением ответил Слепой. — Особенно Сфинкса. Не могу с ним не считаться.

— А что он думает о смерти Волка?

— Он старается о ней не думать.

— Если я не ошибаюсь, он был очень привязан к нему?

Слепой неприятно засмеялся:

— Как вы странно говорите... Привязан. Чем-то вроде стального троса, толщиной с меня.

— Куда же этот трос делся в ту ночь?

— Не знаю. И не собираюсь об этом спрашивать.

— У тебя крепкий сон? Ты не проснешься, если рядом кто-то застонет?

По лицу Слепого скользнула злость — и тут же исчезла.

— Я проснусь, даже если рядом пискнет мышь. Волк не стонал. Он вообще не издавал никаких звуков. Он сам не успел понять...

— Ах, вот как! — выпрямился Ральф. — Интересно ты заговорил. Откуда тебе знать, что он успел и чего не успел? Ведь, когда это произошло, вы всей стаей дружно спали.

— Я знаю. Он тоже спал. Иначе его лицо не было бы таким спокойным. Страх разбудил бы нас. Это, наверное, была самая спокойная смерть за всю

историю Дома.

— Если бы на месте Волка был Сфинкс, а я рассказал бы тебе о его смерти теми же словами, какими ты рассказал мне сейчас о Волке, ты удовлетворился бы моим объяснением?

Слепой чуть помедлил с ответом.

— Не знаю. Вы слишком многого от меня хотите.

— Ты рад, что он умер?

Этого не следовало говорить — Ральф понял это сразу, как только стало слишком поздно.

— А вам не кажется... — пару секунд Ральфу казалось, что сейчас в него плюнут ядом, — Вам не кажется, что некоторые мои чувства вас не касаются? Что я чувствую, когда умирает кто-то из моей стаи — это мое дело. Вам так не кажется?

Слепой вдруг закрыл глаза, словно прислушиваясь к чему-то, что было слышно только ему и резко сменил тон:

**Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:**

[Перейти](#)